

РАЗДЕЛ III. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 821.161.1
ББК 83.3

DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_134

Т. Б. Зайцева¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
tbz@list.ru*

«ПЕРСПЕКТИВА МЫСЛЕЙ» О СЧАСТЬЕ В ДРАМАТУРГИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО²

Автор статьи анализирует особенности воплощения художественной концепции счастья в драматургии А. Н. Островского. С самого начала творческого пути великий драматург обращался к фелицитарной проблематике, представленная в его произведениях концепция счастья может прояснить своеобразие национального мировосприятия и мироотношения русских людей, объяснить особенности их социального и бытового поведения, охарактеризовать их чаяния и надежды, составить мнение об их идеалах. Материалом для данного исследования, помимо драматических произведений («Не так живи, как хочется», «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)», «Лес», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Снегурочка»), становятся публицистика и эпистолярное наследие драматурга. Во многом взгляды героев А. Н. Островского на счастье были сформированы патриархальным укладом жизни, фольклорными представлениями. Семейное счастье складывается, согласно народным идеалам, из сознания долга, терпения, верности, заботы друг о друге в болезни и здравии, ответственности за супруга. Своеволие, рожденное эгоистическими инстинктами, ведет к несчастью не только личному, но и окружающих людей. Для самого

---

¹ Зайцева Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языковедения и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

драматурга феномен счастья соотносился с феноменом творчества, с высокой миссией театрального искусства и художника. В творчестве А. Н. Островского счастье предстает в самых разных обликах (счастье как богатство, счастье как порядок, счастье как добродетель, счастье как успех, счастье как любовь, счастье как взаимопонимание, счастье как справедливость, счастье как творчество, счастье как благополучие, счастье как удовлетворенность желаний), из совокупности которых и складывается национальный образ счастья.

Ключевые слова: А. Н. Островский, феноменология счастья, драматургия, национальный идеал, купечество

Введение

А. Н. Островский, признанный создатель национального русского театра, в своем большом обзоре о положении дел в драматическом театре в России и перспективах его развития («Причины упадка в драматическом театре в Москве» [4, X, 166-197]), сформулировал важное теоретическое положение, которое имеет для нас научно-методологическое значение, так как приоткрывает завесу над тайнами творческого процесса и мировоззрения великого драматурга: «<...> всякое художественное произведение дает мысль – и не одну, а целую перспективу мыслей, от которых не отделаешься. Голые тенденции и прописные истины недолго удерживаются в уме: они там не закреплены чувством. Сказать умное, честное слово не мудрено: их так много сказано и написано; но чтоб истины действовали, убеждали, умудряли, – надо, чтоб они прошли прежде через души, через умы высшего сорта, т. е. творческие, художнические. Иметь хорошие мысли может всякий, а владеть умами и сердцами дано только избранным» [4, X, 193-194]. В подлинно художественном произведении всегда намечается целая «перспектива мыслей», то есть художественное формирование представлений о каком-либо нравственном феномене, осуществляется становление определенной художественной концепции, благодаря которой происходит благотворное воздействие на умы и сердца. Важно подчеркнуть, что А. Н. Островский всегда настаивал на важной нравственно-воспитательной роли театра как искусства, способного изменять человека и среду: «художество дает публике такие образы и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко определившегося, не позволяет ей воротиться к старым, уже осужденным формам, а заставляет искать лучших, одним словом, заставляет быть нравственным» [4, X, 9].

Цель нашей статьи – проанализировать «перспективу мыслей» о счастье, концепцию счастья в драматургии А. Н. Островского.

Актуальность исследования обусловлена вниманием к современным проблемам филологии, связанным с изучением

феноменологии счастья [2; 7; 8]: надо отметить, что творчество драматурга в качестве фелицитарного текста довольно редко становилось в центре внимания литературоведов, хотя, как справедливо заметил один из лингвистов [5; 6], «в пьесах А. Н. Островского все герои мечтают о счастье, но каждый из них по-своему понимает счастье» [5, 307].

Материалом исследования послужили избранные комедии А. Н. Островского, в которых мысли о счастье играют важную роль для интерпретации произведения, а также публицистика и письма драматурга.

Основная часть

А. Н. Островского можно с полным правом назвать выразителем национальных народных идеалов: в своем творчестве он опирался на русский фольклор [1, 66], изучал быт и особенности психологии разных сословий России, обращая особое внимание на купечество в его патриархальном и современном (буржуазном) облике с самого начала своего творческого пути [4, I, 32-64]. Писатель в «Записках замоскворецкого жителя» (1847) открыл широкой читательской публики, для которой купеческое Замоскворечье представляло чем-то вроде «волшебного мира, населенного сказочными героями тысячи и одной ночи» [4, I, 32], правду об одном из русских сословий, показал купеческий менталитет как причудливое переплетение традиций, патриархальных идеалов, суеверий, предрассудков и новых модных веяний времени прогресса. «Тут все— и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания. Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, <...>. Вот уж это, почтенные читатели, сушая правда; это не слухи какие-нибудь, а рассказы очевидца» [4, I, 34]. Обращение к изображению жизни патриархального купечества в «москвитянинском периоде» творчества было далеко не случайным: в сословии, не знавшем крепостного рабства, драматург искал истоки народных представлений об основополагающих духовных ценностях: счастье, свободе, справедливости, поисках смысла жизни.

В «народной драме», как обозначил жанр сам автор, «Не так живи, как хочется» (1855), действие которой происходит в конце XVIII столетия, взгляды героев на счастье сформированы патриархальным укладом жизни. Представление о счастье первоначально предстает как благополучие, материальный достаток (девушка удачно выходит замуж за богатого купца). Однако драматическая история загулявшего от жены молодого купца свидетельствует, что счастье невозможно вне строгого соблюдения народных обычаев, вне установленного веками порядка: «Живи по закону, как люди живут» [4, I, 382], – наставляет беспутного сына строгий отец. – «Известно, по своей воле легче жить, ничем по закону; да своя-то воля в пропасть ведег. Доброму одна дорога, а развращенному десять» [4, I, 382]. Стремление добиться счастья по своему разумению и хотению, даже путем обмана, быть счастливым по своей ничем не сдерживаемой воле чуть было

не приводит Петра Ильича к трагедии: от страшного преступления его удерживает только вмешательство божьей силы. Молодой человек понимает, что оказался на краю бездны и погибели, и кается в своих грехах. «Бытовой репертуар, – писал А. Н. Островский, размышляя о значении театра, – <...> великое дело для новой, восприимчивой публики: он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке, что он должен в себе беречь и воспитывать и что есть в нем дикого и грубого, с чем он должен бороться» [4, X, 138]. В заметках А. Н. Островского находим запись о нравственных устоях семейного счастья как высшего народного блага: «Любовь и сожитие только крепки в браке, только над браком благословение, в браке мир и тишина, несчастье легче переносится, счастье усторяется» [4, X, 455]. Семейное счастье складывается, согласно народным идеалам, из сознания долга, терпения, верности, заботы друг о друге в болезни и здравии, ответственности за супруга. Своевольие, рожденное эгоистическими инстинктами, ведет к несчастью не только личному, но и окружающих людей.

Сам Островский нередко ассоциировал счастье с удачей. Если обратиться к его публицистическому и эпистолярному наследию, мы обнаружим немало примеров, это подтверждающих. Драматург не раз упоминает о «счастливым случае» [4, X, 84], «счастливой случайности» [4, X, 316], «счастливых условиях» [4, X, 322], «счастливых обстоятельствах» [4, X, 37], которые способствовали процветанию и благополучию какого-либо мероприятия или человека. Такое представление, безусловно, соотносится с фольклорным представлением о счастье-удаче, счастье-успехе. Драматург записал среди пословиц и поговорок такой народный приговор, «чтобы был успех в деле»: «Талан-доля, иди за мною! Я буду счастлив, и ты будешь счастлив» [4, X, 450].

Апофеозом фольклорных представлений о счастье как удаче становится комическая трилогия о Бальзаминове: «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина)» (1857-1861) [4, III]. В основе трилогии лежат фольклорные мотивы сказок об Иванушке-дурачке, об Емеле-дураке. Литературные прототипы Миши Бальзамина – гоголевский беззаботный прожектер Манилов («Если башню выстроить большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать», [4, II, 379]), – фантазирует герой Островского) и Хлестаков, с его необузданным воображением и «легкостью в мыслях необыкновенною». Глупый недалекий герой-мечтатель Миша Бальзамино, бедный чиновник, не оставляет надежду найти богатую невесту, чтобы жить, не ведая забот и печали, в достатке и довольстве, как в его прекрасных снах, которые он очень любит толковать. Любой богатой женщине Бальзамино, комический вариант типа «маленький человек», готов предложить свою страстную любовь, представление о которой он почерпнул из пошлых бульварных

стишков. И сам Бальзаминов, и его мамаша прекрасно понимают, что Миша лишен каких-либо достоинств: внешность невыразительная, образования нет, трудолюбие и ум отсутствуют. Однако они убеждены, что все достоинства сами собой появятся в глазах окружающих после того, как герой воспользуется деньгами невесты. Попадая в разные комические ситуации, «порхая» по жизни, готовый по простодушию даже на двоих жениться, чтобы проводить время сразу в двух «райских» садах, герой наконец обретает «счастье» благодаря хитрой находчивой свахе и счастливому случаю: сумел-таки понравиться скучающей богатой купчихе-вдове Белотеловой, которая приобрела в его лице забавную игрушку.

«Перспектива мыслей» о счастье и несчастье плодотворно развивается в знаменитой комедии А. Н. Островского «Лес» (1871). Неслучайно герои носят театральные псевдонимы Счастливец и Несчастливцев. Счастливец – водевильный актер, который надеется на везение и счастливый случай. Но драматурга больше привлекает вопрос о разных типах счастья: прежде всего о счастье человека творческого и о семейном счастье людей. Вновь обратившись к публицистическому наследию А. Н. Островского, мы можем привести ряд его высказываний о настоящем творческом счастье художника. Счастье драматурга заключается в том, что его замысел получает адекватное воплощение на сцене, начиная с «бутафорских мелочей», «автор имеет счастье видеть созданных им лиц в той правдивой, жизненной обстановке, в какой он их себе воображал» [4, X, 228]. «Театр есть инструмент, на котором художник-автор играет для зрителей. Если отличный скрипач хочет играть, а публика – его слушать, так отнимают ли у скрипача скрипку? Точно так и театр надо предоставить тому, кто умеет играть на нем. Кто рожден владеть сердцами, тот должен владеть и сценой» [4, X, 229]. Счастье художника – поражать воображение и эмоции зрителя, пробуждать нравственные движения сердца. Героиня комедии Аксюша, являющаяся своеобразным вариантом героини «Горячего сердца», мечтающей о личном счастье, делает выбор в пользу семейного счастья с любимым человеком и готова отдать лишь ему одному свое сильное чувство. Однако актеру Геннадию Несчастливцеву недостаточно обычного людского счастья. Неслучайно он вспоминает Шиллера, защитника человечества. Несчастливцев готов говорить от имени всех притесняемых людей, чьи права попираются, и жертвовать своим благополучием ради их счастья. На сцене он по-настоящему счастлив, потому что высокое беззаветное служение искусству, облагораживающему души людей, и есть истинное счастье. «Несказанное богатство художественных произведений подействовало на меня так сильно, что я не нахожу слов для выражения того душевного счастья, которое я чувствовал всем существом моим», – так описывал А. Н. Островский впечатления от посещения художественной галереи

в Уффици [4, X, 399]. Обращаясь к провинциальным «совам и филинам», глухим к искусству, занятым только своим благополучием и не способным на настоящие искренние чувства, Геннадий Несчастливцев с гордостью заявляет: «Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете» [4, III, 336]. Амплу трагического героя награждает его псевдонимом Несчастливцев, однако устами трагика сам Островский говорит о подлинном счастье художника-творца, заключающемся в его служении людям.

Одна из заветных мыслей А. Н. Островского, убежденного в том, что театр является нравственной школой жизни для народа, – показать на сцене, каким прекрасным может быть человек, показать, что человек, обладающий достоинствами и добродетелями, не просто заслуживает счастья, но получает счастье. «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует, – утверждал драматург в письме М. П. Погодину, – Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то теперь я и занимаюсь, соединяя высокое с комическим» [4, X, 567]. В пьесе «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877) [4, IV, 262-320] главное внимание А. Н. Островского обращено на молодое поколение, которое ищет свои собственные пути в жизни, стараясь вырваться из-под власти устаревших норм, стремясь к самостоятельности. Платон Зыбкин, юный, немного наивный человек, почерпнувший свои убеждения скорее из книг, чем из суровой реальности, является «носителем идеального поэтического начала современной жизни» [3, 129]. Он уверен, что честность, прямота, благородство, уважение к людям – главные добродетели образованного молодого человека. Его возлюбленная Поликсена стремится вырваться из-под опеки строгой бабушки и обрести счастье любви с Платоном. Сводит двух юных влюбленных нянька с «говорящим» именем Филицата («счастье»), без нее их встречи были бы невозможны. Добрая нянька олицетворяет собой счастливый случай, который помогает Платону и Поликсене воссоединиться, а небогату, социально бесправному Платону одержать победу над лживым Мухояровым и вороватым Барабошевым. Неожиданно Мавра Тарасовна, бабушка, встречает своего бывшего возлюбленного солдата Глеба и, чувствуя перед ним вину, как бы переживая свою жизнь заново, понимает, что, заперев внучку от бедняка Платона, навеки сделает ее несчастной. Собственный грех не дает покоя Мавре Тарасовне, и она позволяет молодым обрести счастье в любви. Так счастливый случай помогает Платону и Поликсене добиться

справедливости. Однако под счастьем в пьесе понимается не только удача, но и взаимопонимание между близкими, любовь, справедливый выбор, не взирая на социальные различия. Зритель рад и доволен, что молодые люди заслуженно получили счастье.

«Перспектива мыслей» о счастье находит свое оригинальное воплощение и в удивительной поэтической сказке А. Н. Островского «Снегурочка» (1873), задуманной как музыкальная феерия, основанной на попытке драматурга реконструировать мифологию древних славян [9, 471]. Счастье как неожиданно и случайно свалившееся на тебя богатство и пришедший вслед за ним высокий социальный статус – таковы взгляды Бобыля и Бобылихи, бездельников, корыстных людей. Представление о счастье «счастливых берендеев» гораздо сложнее, как в психологическом, так и в социальном смысле. Во-первых, надо отметить противопоставление страны берендеев «счастливым долинам юга» [4, VII, 366]. Весна-Красна говорит о покое и процветании южных стран, счастье которых во многом обусловлено благоприятными природными условиями:

<...> там

Ковры лугов, акаций ароматы,

И теплый пар возделанных садов,

И млечное, ленивое сиянье

От матовой луны на минаретах,

На тополях и кипарисах черных [4, VII, 366].

Весна видит землю берендеев как «угрюмую», погруженную в холод. Несмотря на это Весна называет берендеев «беспечными», потому что они в условиях суровой зимы, холодного блеска снега, умудряются сохранить жизнерадостность и жажду любви. Могучая природа как будто одаривает берендеев «родящей, таинственной силой», благодаря которой они преодолевают все невзгоды, не теряя веры в торжество весеннего тепла над холодом зимы, не теряя веры в счастье и способность быть счастливыми в самых тяжелых условиях. Снегурочка, дитя Весны и Мороза, с удовольствием покидает свою темницу и уходит к людям в поисках счастья, ее привлекают веселые песни любвеобильного Леля. Попытки Мороза представить как зло любимца палящего знойного Солнца, его сына-пастуха Леля, терпят поражение. Наивная романтическая Снегурочка, которая никогда не сталкивалась со злом, не знает житейских сложностей и противоречивой природы людей, подпадает под обаяние светлых завораживающих песен Леля. Чувства Купавы, которые наполняют всю жизнь влюбленной девушки смыслом и радостью, открывают Снегурочке, что самое желанное счастье человека в любви, однако любовь оборачивается для нее трагедией, потому что сжигает её в апофеозе страстного чувства.

Размышления о счастье связаны в пьесе и с образом царя Берендея, мудрого правителя, искренне переживающего за судьбу страны и подданных. Он обеспокоен немилостью бога Ярилы, который вот уже пятнадцать лет не показывался берендеям. Царь приходит к выводу, что в мире берендеев начали превалировать недостойные чувства: зависть, тщеславие, пренебрежение традициями, равнодушие, злоба, трусость. Берендеи забыли о страстных чувствах, о подвигах во имя любви, охладели к любви, не служат больше красоте. Остуда в человеческом мире рождает и в природе холод, потому бог Солнца и сердится. Единственным выходом Берендей видит проведение торжественной брачной церемонии в Ярилин день, которая соединит влюбленных: «Угодней нет Яриле жертвы!» [4, VII, 415]. Всем сердцем царь откликается на жалобу Купавы, любовь которой предал своевольный Мизгирь. Для Купавы и других берендеев, несомненно, Берендей является одним из условий счастливой жизни как мудрый заботливый правитель, отец рода, способный восстановить справедливость в мире, наказать неправых, наградить обиженных.

Когда царь видит Снегурочку, он понимает, что она может воплотить в жизнь его идеал страны счастливых берендеев: если в девушке неземная красота соединится с сердечным чувством, если в ней пробудится любовь, Ярила примет жертву. Венок любви открывает Снегурочке красоту мира и позволяет насладиться любовным переживанием. Любовь для нее становится счастьем, но не спасает от смерти. Счастье же как свет и сила, торжество и правдивый суд Солнца приходит к Берендею и его подданным, принося материальное и духовное благополучие.

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше [4, VII, 457].

Заключение

Во многом концепция счастья в драматургии А. Н. Островского обусловлена его опорой на фольклорные представления русского народа, его попыткой прояснить особенности национального менталитета, как он их видел. Счастье-богатство, счастье-порядок, счастье-добродетель, счастье-успех, счастье-любовь, счастье-взаимопонимание, счастье-справедливость, счастье-творчество, счастье-благополучие, счастье-удовлетворенность желаний – в таких самых разных ипостасях предстает феномен счастья в драматургии

создателя национального русского драматического театра, тонкого знатока русского характера.

Литература

1.Бедрикова М. Л. Специфика изображения художественного пространства в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина («Хлыновск», «Пространство Эвклида») // Libri Magistri. 2019. № 1 (17). С. 62–70.

2. Жусупова А. Р., Зайцева Т. Б. Концепт «счастье» в эпистолярном наследии А.П. Чехова // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сб. материалов IV междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 127-131.

3.История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX века (до 1917 г.) История русской драматургии, вторая половина XIX - нач. XX в. до 1917 г. / [Л. М. Лотман, В. Ф. Соколова, В. А. Туниманов и др. ; редкол.: Л. М. Лотман (отв. ред.) и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 658 с.

4. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Москва: «Искусство», 1978.

5. Павлова А. Э. Аксиологическая фразеология о счастье в балзаминовской трилогии и комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции / Ответственный редактор: И. А. Сотова. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2015. С. 306-311.

6. Павлова А. Э. Фразеологическое поле «счастье» в пьесах А. Н. Островского «Гроза», «Бесприданница», «Не от мира сего» // Духовно-нравственные основы русской литературы. Сборник научных статей по материалам Шестой международной научно-практической конференции / Научный редактор Н. Г. Коптелова. Ответственный редактор А. К. Котлов. Кострома, Костромской гос. ун-т, 2018. С. 117-118.

7.Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

8. Рудакова С.В., Ререци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49-75.

9. Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 4. М-П. / Гл. ред. П. А. Николаев. Москва: Большая российская энциклопедия, 1999. 704 с.

REFERENCES

1. Bedrikova M. L. Specifika izobrazhenija hudozhestvennogo prostranstva v avtobiograficheskoj proze K. Petrova-Vodkina («Hlynovsk», «Prostranstvo Jevklida») // Libri Magistri. 2019. № 1 (17). Pp. 62–70.

2. Zhusupova A. R., Zaitseva T. B. Koncept «schast'e» v jepistoljarnom nasledii A.P. Chehova // Mirovaja literatura glazami sovremennoj molodezhi. Cifrovaja jepoha: sb. materialov IV mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G. I. Nosova, 2018. Pp. 127-131.

3. Istorija russskoj dramaturgii. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka (do 1917 g.) Istorija russskoj dramaturgii, vtoraja polovina XIX - nach. XX v. do 1917 g. / [L. M. Lotman, V. F. Sokolova, V. A. Tunimanov i dr.; redkol.: L. M. Lotman (otv. red.) i dr.]; AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkin. dom). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1987. 658 p.

4. Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sochinenij. V 12-ti t. / Pod obshh. red. G. I. Vladykina i dr. Moscow: «Iskusstvo», 1978.

5. Pavlova A. Je. Aksiologicheskaja frazeologija o schast'e v bal'zaminovskoj trilogii i komedii «Pravda – horosho, a schast'e luchshe» A. N. Ostrovskogo // Semantika i funkcionirovanie jazykovyh edinic raznyh urovnej: sbornik nauchnyh statej po materialam VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii / Otvetstvennyj redaktor: I. A. Sotova. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2015. Pp. 306-311.

6. Pavlova A. Je. Frazeologicheskoe pole «schast'e» v p'esah A. N. Ostrovskogo «Groza», «Bespridannica», «Ne ot mira sego» // Duhovno-nravstvennye osnovy russskoj literatury. Sbornik nauchnyh statej po materialam Shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii / Nauchnyj redaktor N. G. Koptelova. Otvetstvennyj redaktor A. K. Kotlov. Kostroma, Kostromskoj gos. un-t, 2018. Pp. 117-118.

7. Petrov A. V. Fenomenologija «russskogo schast'ja» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoi shkoly po izucheniju russskoj poezzii XVIII–XIX vekov // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.

8. Rudakova S.V., Regeci I. K voprosu izuchenija fenomena schast'ja // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49-75.

9. Russkie pisateli. 1800-1917. Biograficheskij slovar'. T. 4. M-P. / Gl. red. P. A. Nikolaev. Moscow: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1999. 704 p.

"THE PERSPECTIVE OF THOUGHTS" ABOUT HAPPINESS IN
THE DRAMATURGY OF A. N. OSTROVSKY

Tatiana B. Zaitseva

Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Literature,
Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The author of the article analyzes the features of the embodiment of the artistic concept of happiness in the dramaturgy of A. N. Ostrovsky. From the very beginning of his creative career, the great playwright turned to the issues of felicity, the concept of happiness presented in his works can clarify the uniqueness of the national worldview and world attitude

Т. Б. Зайцева

of the Russian people, explain the peculiarities of their social and everyday behaviour, characterize their aspirations and hopes, form an opinion about their ideals. The material for this study, in addition to dramatic works ("Don't live as you want", "A festive dream - before lunch", "Your dogs are biting, don't bother someone else!", "What you go for, you will find (Balzaminov's Marriage)", "Forest", "Truth is good, but happiness is better", "Snow Maiden"), is publicism and the epistolary legacy of the playwright. To a great extent, the views of the characters of A. N. Ostrovsky on happiness were formed by the patriarchal way of life, folklore ideas. Family happiness includes, according to popular ideals, a sense of duty, patience, loyalty, caring for each other in sickness and in health, responsibility for the spouse. Self-will, born of selfish instincts, leads to not only personal unhappiness but also to unhappiness of surrounding people. For the playwright himself, the phenomenon of happiness correlates with the phenomenon of creativity, with the high mission of theatrical art and the artist. In the works of A. N. Ostrovsky happiness appears in a wide variety of guises (happiness as wealth, happiness as order, happiness as virtues, happiness as success, happiness as love, happiness as mutual understanding, happiness as justice, happiness as creativity, happiness as well-being, happiness as satisfaction of desires), from the totality of which the national image of happiness is formed.

Keywords: A. N. Ostrovsky, phenomenology of happiness, dramaturgy, national ideal, merchant class

Для цитирования: Зайцева Т. Б. «Перспектива мыслей» о счастье в драматургии А. Н. Островского // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 134–144.

Поступила в редакцию 25.01.2022